

АНГЕЛ- РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ

ВИКТОРИЯ СЕРДЕЧНАЯ

Виктория Сердечная
Ангел-распределитель

«Автор»

2026

Сердечная В. С.

Ангел-распределитель / В. С. Сердечная — «Автор», 2026

Я решаю, кому из мертвых идти в Рай, а кому - в Ад. Для этого я проживаю важнейшие фрагменты их жизни, и это не так просто, как кажется. Иногда праведник оказывается монстром, а убийца - жертвой. Все это дается мне очень сложно. А какой выбор сделал бы ты?

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Ребенок	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ангел-распределитель

Глава 1. Знакомство

Родители верили, что я рожден для этой работы. Я уже не совсем в этом уверен. Хотя, скорее всего, это обычное волнение. Должно же мне быть хоть немного страшно в мой первый официальный день. Вы бы на моем месте, наверное, тоже нервничали.

Меня зовут Кассий. Я ангел-распределитель. Это значит, что я решаю, куда отправится душа — в Рай или в Ад. Звучит внушительно, но на деле все куда прозаичнее. Сидишь в кабинете, смотришь чужие жизни и пытаешься понять, чего в них было больше — добра или зла. Возможно, дело во мне, однако это почти никогда не понятно с первого взгляда, а решение принимать надо.

Мне чуть больше ста двадцати лет. Несмотря на то что кому-то этот возраст может показаться солидным, по человеческим меркам мне около двадцати двух. Я только что закончил обучение, сдал испытательный срок и получил собственный кабинет. Сегодня первый самостоятельный день, так что меня можно поздравить или хотя бы посочувствовать — я пока не определился, что сейчас будет уместнее.

Мои родители работают с записями человеческих жизней. Мать заведует хрониками семнадцатого века. Отец сидит в отделе сопоставлений: сверяет замыслы с исполнениями. Грубо говоря, он выясняет, насколько реальная жизнь человека совпала с тем, что было задумано изначально.

Родители познакомились на работе. Это у нас обычное дело: ангелы редко встречают кого-то вне своего отдела. Представьте себе огромное учреждение, где все друг друга знают в лицо, а новые лица появляются достаточно редко. Мать говорила, что отец ей сначала не понравился: слишком молчаливый. Отец же говорил, что мать была чересчур громкой. В итоге они подали прошение на слияние — это такой процесс, когда двое ангелов настраивают свои света в унисон, чтобы создать третий. Долгое, кропотливое дело: нужно совпадать по частоте, по замыслу, по воле. У людей это, кажется, называется «любовь», но у нас все сложнее. Они ждали одобрения почти десять лет, а потом еще несколько лет настраивали резонанс, чтобы создать зародыш ребенка.

Дежурный наставник еще с детства сказал, что я буду работать с душами, увидев мои слезы. Дело в том, что ангелы, вообще-то, плачут редко и по серьезным поводам. Я заплакал в четыре года, когда мать принесла домой запись одной человеческой жизни. Это была обычная женщина, умершая при родах. Я прочитал хронику и разревелся. Мать испугалась, а отец, кажется, никак не отреагировал. Для распределителя такая чувствительность и дар, и проклятие одновременно.

Через год за мной пришли. Наставник Керим был высоким, сухим, почтительным ангелом, который проработал в этой же сфере несколько десятков тысяч лет. В один день он вошел в нашу гостиную и сказал мне собираться. До высшего департамента дошли слухи обо мне, и меня сразу определили на эту должность. Мать погладила меня по голове. Отец стоял в дверях и молчал.

Обучение длилось чуть больше столетия. Керим учил меня читать души, преподавал историю человечества от первых стоянок до последних войн, что было лишь маленькой частью учения. Он был строг и иногда, если честно, жесток. Для него я был слишком мягким, и он не раз упрекал меня в этом, называя «человеческим ребенком». Я старался, но когда видишь, как старуха отдает последний хлеб бездомному, а через день сама умирает от голода — как тут не заплакать? Керим качал головой и ставил мне плохие оценки за «излишнюю эмоциональ-

ную вовлеченность». Но допуск он все же подписал. На прощание сказал, что я буду мучиться каждый день, но именно поэтому я буду хорош для этой работы.

Как вообще происходит распределение? Система проще, чем кажется, но объяснить ее довольно трудно. Представьте бесконечную очередь из душ, которые только что покинули тела. Сначала они проходят предварительную сортировку, которой занимаются другие ангелы. Именно они отсеивают явных, у которых разница между добром и злом огромна. Ко мне же попадают те, кто остался. Не могу сказать, что мне не везет, — но пока я не видел ни одного простого дела. Вместе с душой к распределителям приходит и досье. Оно выглядит как сфера из света и памяти. Еще оно теплое на ощупь, размером с яблоко. Когда я касаюсь его, оно показывает мне те секунды, когда человек выбирал: соврать или сказать правду, ударить или стерпеть, поверить или отвернуться. Каждый такой выбор создавал определенную развилку событий, которая, в конце концов, приводит к таким, как я, чтобы определить дальнейший путь.

Мой кабинет маленький, но мне он нравится. Здесь, как и на моём родном острове, все молочное, с легким жемчужным отливом. Стены, кажется, светятся изнутри. Пол мягкий, похожий на теплое облако. Окно выходит на световую арку, которая соединяет нашу инстанцию с верхними уровнями. Белый свет льется оттуда, как вода, и заливает весь кабинет. Мебели не особо много, но я постарался расставить все так, чтобы душам было комфортно: большой стол, за которым я сижу, удобные кресла для меня и души и трансфер для досье, замаскированный под узкий шкаф.

Форма у нас стандартная: длинное одеяние до щиколоток, светло-серое с серебристым отливом. На груди — печать распределителя: круг, внутри которого прямая линия переплетается с извилистой. Рост же мой выше среднего, волосы идеально белые, глаза серые, с легким голубоватым отливом.

Так вот, как я уже сказал, сегодня первый самостоятельный день. Керим больше не стоит надо мной, и я один в кабинете. Дверь открывается.

Глава 2. Ребенок

Иногда люди терпят, потому что им кажется, что любовь всегда должна причинять боль. Истина в том, что им просто никто не доказал обратного.

Сердечная

В кабинет вошла маленькая девочка. Я, конечно, ожидал увидеть кого угодно, но точно не ребенка. Обычно дети не попадают к таким распределителям, как я: их души легкие, почти прозрачные, и им, как правило, сразу вверх. Эта девочка же была исключением, и я понял это сразу, еще до того, как успел заглянуть в ее досье. Она стояла на пороге, словно не была уверена, можно ли ей войти.

Девочка была худенькой, в простом сером платье, которое висело на ней мешком, явно с чужого плеча, может, из благотворительной коробки. Волосы коричневые, подстриженные неровно, словно это сделал кто-то против ее воли кухонными ножницами. Ей было двенадцать лет, хотя на вид я дал бы меньше.

— Здравствуй, дитя, — сказал я.

Она быстро оглядела кабинет, после чего подняла голову и как-то оценивающе посмотрела на меня, словно решала, можно ли мне доверять.

— Вы Бог?

— Нет, — ответил я. — Мое имя Кассий. Я ангел-распределитель.

Такой вопрос задают достаточно часто, но он мне не надоел. Иной раз мне даже забавно и приятно, что меня могут сравнить с Творцом.

Она обдумала это, кивнула и прошла в кабинет. Села на стул напротив, и я невольно отметил, что она держится лучше многих взрослых, которые здесь бывали.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил я.

— Теперь догадываюсь. Это Вы решаете, куда меня отправят?

— Я. Перед тем как начать, я бы хотел узнать твое имя.

— Элис.

— Сейчас я посмотрю твою жизнь, Элис. Ты тоже это увидишь. Если захочешь что-то объяснить или поправить — говори, я тебя выслушаю.

Она кивнула.

Стоило мне коснуться сферы, как мир вокруг исчез. Сначала это была яркая вспышка, до рези в глазах, затем свет стал тускнеть, как отступающая волна, а краски вокруг начали кружиться, рисуя картину жизни.

Мне сразу запахло сыростью и старым деревом. Комната была маленькой, с облезлыми обоями и местами поцарапанным окном. На полу сидела пятилетняя девочка и играла с тряпичной куклой, у которой недоставало одного глаза. Она что-то тихо напевала, укачивая игрушку в ладонях.

За столом, у стены, сидела женщина. Худая, бледная, с темными кругами под глазами и спутанными волосами, которые давно не видели расчески. Перед ней стоял стакан и полупустая бутылка. Она смотрела в одну точку на стене, и взгляд у нее был мутный, невидящий.

— Мам, я есть хочу, — позвала девочка.

Женщина не пошевелилась. Элис поднялась с пола и подошла чуть ближе. Мать медленно повернула голову, и в ее глазах вспыхнуло раздражение.

— Чего тебе?! — рявкнула она.

Девочка отшатнулась.

— Вечно ты чего-то хочешь! Жрешь и жрешь, а я тебе что, обязана? Думаешь, мне деньги с неба падают? Думаешь, я ради тебя должна горбатиться? Да пошла ты! Всю жизнь мне сломала, дрянь мелкая! Если бы не ты, я бы сейчас не в этой дыре сидела!

Она схватила со стола пустой стакан и запустила им в стену над головой Элис. Стекло разлетелось осколками. Девочка присела, закрыв голову руками, вжавшись в пол. Мать не успокаивалась. Она прошлась по комнате, едва не опрокинув стул, потом резко развернулась и снова уставилась на дочь.

— Чего сидишь? — выплюнула она. — Смотришь на меня? Жалеешь? А вот не надо меня жалеть, поняла, тварь? Я тебя родила, а ты на меня так смотришь, будто я тебе враг. Нет у тебя никого, кроме меня! Отца твоего где носит, а? Где он? Сбежал, как только ты нарисовалась, скотина! Если бы не ты, он бы не ушел!

Элис молчала. Она сидела на полу, прижимая к груди куклу.

Мать схватила со стола бутылку, поднесла к губам, сделала глоток. Руки у нее дрожали, и часть жидкости пролилась на подбородок, на платье, но она этого даже не заметила.

— Все из-за тебя, — сказала она уже тише, почти устало. — Я все потеряла, а тебе этого мало.

Она опустилась на стул, обхватила голову руками и замерла. Элис подождала еще минуту, потом тихо встала, подошла к столу и убрала осколки стакана с пола. Мать не шевелилась. Девочка собрала стекло в ладонь, отнесла в мусорное ведро, потом вернулась и села обратно туда, где лежала ее кукла. Подняла ее, отряхнула от пыли и снова начала баюкать.

Мать подняла голову.

— Ты что, глухая? — спросила она, и голос ее стал ниже. — Я с тобой разговариваю, а ты в куклы играешь? Я тут распинаюсь, а ей хоть бы что. Сидишь, молчишь, как истукан. Может, ты и правда ненормальная? Может, тебя в интернат сдать? Пусть там с тобой возьмется.

Элис не ответила, что взбесило мать сильнее.

Она рванулась вперед, схватила куклу за тряпичную ногу и выдернула из рук дочери. Элис вскрикнула впервые за все время, попыталась дотянуться, но мать уже оттолкнула ее в сторону и, тяжело дыша, направилась к мусорному ведру.

— Не надо! — закричала Элис. — Мама, не надо! Отдай!

Мать даже не обернулась. Она подняла крышку ведра, где уже лежали осколки стакана, и швырнула куклу внутрь. Та упала бесшумно, только тряпичная рука на секунду показалась над краем и исчезла.

— Мама! — Элис бросилась к ведру, но мать грубо перехватила ее за плечо и оттолкнула обратно.

— Хватит с тебя игрушек! Взрослей уже! Всю душу из меня вытянула, дрянь! Будешь еще тут реветь из-за какой-то жалкой тряпки!

Элис стояла, прижавшись спиной к стене, и смотрела на мусорное ведро. Слезы текли по ее лицу, но она не издавала ни звука.

Краски сгустились, и картина передо мной изменилась. Комната стала другой. Обои облупились сильнее, на подоконнике громоздились пустые бутылки, и свет за окном был уже мутно-вечерний, осенний.

Элис было семь. Она сидела за столом, склонившись над тетрадкой, и даже со спины было видно, что она плачет. Плечи вздрагивали, пальцы теребили край тетрадки.

Дверь открылась, и вошла мать. Она была трезвее, чем в прошлый раз, но это не делало ее мягче.

— Чего реवेशь? — спросила она с порога, даже не снимая пальто. — Опять что-то натворила?

Элис подняла заплаканное лицо. Она явно не хотела рассказывать, но мать стояла над душой, и девочка начала:

— Девочки в школе толкали меня, а потом повалили на пол. Я ударилась коленом, вот, — она задрала подол платья, показывая свежую ссадину, но мать даже не взглянула. — А потом они начали обзывать. Сказали, что я уродина. И еще сказали, что у меня платье старое и что от меня плохо пахнет. Я пыталась уйти, но они меня не пускали и смеялись. А потом одна из них сказала

Она замолчала, уставившись в стол. Мать шагнула ближе, и половица под ней скрипнула.

— Что сказала? Ну? Рожай давай.

— Что мама у меня плохая, — прошептала Элис. — Что ты пьешь и меня надо в детдом сдать. И что ты меня не любишь.

Последние слова она произнесла почти беззвучно. В комнате стало тихо. Мать стояла неподвижно, и лицо ее медленно менялось.

— Это я плохая? — спросила она почти ласково. — Значит, я плохая мать? Это я во всем виновата? А кто им сказал это, а? Кто? Ты! Ты растрепала всей школе и опозорила меня, дрянь!

— Я ничего не говорила! Мама, правда! Они сами! Я никогда никому не...

— Врешь! — перебила мать, и ее лицо исказилось. — Ты с самого рождения врешь мне! Смотрела на меня своими честными глазами, а сама меня ненавидела! Да?

Мать схватила ее за плечо и сдернула со стула. Элис упала на пол, больно ударившись локтем. Ножка стула отлетела в сторону, тетрадка соскользнула со стола и раскрылась на полу с детскими, старательно выведенными буквами.

— Ты! — голос матери сорвался на визг. — Теперь каждая шавка в этом городе будет считать, что я алкашка, что я дочь родную не могу воспитать!

Она ударила ее, и Элис попыталась отползти, но мать настигла ее снова. Схватила за волосы и дернула так, что голова девочки запрокинулась.

— Куда поползла?! Стоять! Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Кто тебя кормит? Кто тебя одевает? Кто тебя терпит? Я!

Каждое слово сопровождалось новым ударом — по плечам, по спине, по рукам, которыми Элис пыталась закрыть лицо. Мать била не глядя, не целясь, выплескивая все, что копились годами.

— Да кто ты такая?! Кто ты такая, чтобы меня судить?! Ты — никто! Пустое место! Ошибка! Поняла, дрянь?!

Она ударила еще раз, уже слабее, и опустила на колени рядом с дочерью.

— Вся в отца, — прошептала она. — Он такой же никчемный.

Элис лежала неподвижно, боясь шелохнуться.

Краски вновь смешались, а время продвинулось дальше. Обои потемнели от сырости. За окном уже стемнело. На улице была ранняя весна. Снег почти сошел, но холод все еще пробирал до костей.

Десятилетняя девочка лежала на кровати, свернувшись калачиком под тонким одеялом, и дрожала. Кровать была старая, с продавленной сеткой, которая впивалась в ребра, как ни крутись.

Одеяло было старое, детское, из которого она уже давно выросла, поэтому оно едва доходило ей до плеч. В комнате было холодно. Батареи давно остыли.

В коридоре слышались неровные шаги. Дверь распахнулась, и вошла мать. Увидев дочь, скорчившуюся под одеялом, она остановилась.

— Ты чего трясешься? — спросила она без всякого участия.

— Мне холодно.

— Холодно ей. Ты настоящего холода и голода не знаешь. Не доросла еще.

— У нас есть еще одеяло? — спросила Элис с опаской.

— Нет у меня для тебя одеяла! — отрезала мать. — Ишь, наглая нашлась тут. Я уже устала от твоего нытья, от твоих вечных «хочу» и «дай»! Думаешь, мне не холодно?

Элис молчала.

— Хочешь узнать, что такое настоящий холод? Давай. Вставай.

— Зачем?

— Вставай, я сказала!

Элис подчинилась. Мать грубо схватила ее за руку и потащила к двери.

— Мама, пожалуйста, не надо Прости меня!

— Заткнись! Будешь знать, как жаловаться! Ничего, ночь на улице поспишь и сразу поймешь, что дома не так уж и плохо!

Она распахнула входную дверь и вытолкнула Элис на крыльцо. Девочка упала на колени, больно ударившись о бетонную ступеньку.

— Мама, не надо! — закричала она, оборачиваясь. — Пожалуйста! Я больше не буду жаловаться!

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Ночной холод обнял ее сразу, со всех сторон.

И вот комната стала мрачнее, словно достигла предела.

Уже двенадцатилетняя Элис, идя к плите, споткнулась и задела локтем пустую бутылку из-под дешевого вина. Та упала и раскололась на несколько больших фрагментов.

Эта картина заинтересовала мать, лежащую на диване.

— Ну конечно, — сказала она. — Ты хоть минуту можешь не приносить мне проблем?

— Я случайно, — сказала Элис.

Девочка подобрала осколки и выбросила в ведро. Двигалась она спокойно, и это, кажется, раздражало мать сильнее, чем сама разбитая бутылка.

— И вот что мне с тобой делать, чтобы ты не была такой?

Элис вытерла руки о платье и повернулась.

— Не знаю. Может, не ставить бутылки на край?

Мать моргнула.

— Что?

— Если бы здесь не было столько бутылок, я бы не опрокинула ее.

— Что ты сказала?

Мать встала, медленно опираясь на подлокотник.

— Ты меня сейчас в чем упрекаешь? В том, что я пью?

— Я тебя не упрекаю, мама. Я просто говорю, как есть.

— Ах, ты не упрекаешь! Как удобно. Все у тебя просто. А мне вот сложно. Но тебе на это наплевать.

— Это не так, — сказала Элис.

— Как раз так! Я же вижу, как ты на меня смотришь. А я, между прочим, тоже живой человек. Я тоже хочу, чтобы меня кто-нибудь пожалел. Но кто это сделает? Ты?

Мать иронично рассмеялась и продолжила:

— Ты только берешь и берешь, а отдачи — ноль!

Элис опустила глаза. У ее ног, на полу, лежал осколок. Она его не заметила, когда убирала остальные.

— Ты меня вообще слышишь? — голос матери ворвался в мысли, как пощечина. — Я с тобой разговариваю, тварь! Что с тобой не так? Я уже столько раз пожалела, что родила тебя.

Элис метнула на мать абсолютно пустой взгляд. Та впервые испугалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.